

7.

То, что интуитивно ощущали прежние культуры, и что они сумели изобразить, создав форму трагедии, Евангельская история проявила воочию и вовлекла всё человечество в трагическую коллизию, в которой мы существуем по сей день.

Тот отсчёт времени, который начался с новым летоисчислением, больше напоминает начало трагического представления, чем условное новое продолжение истории с открытым или внеземным концом, каковой она была в общем-то и до первого столетия новой эры.

Если принять во внимание могучие силы, вступающие в действие в таких обстоятельствах, может быть удастся попутно пролить свет и на источник проблем, которые до сих пор терзают христианскую церковь и не дают ей одержать окончательную победу.

Итак – как, по словам евангелистов, часто начинал свои проповеди Иисус – перед нами классическая ситуация завязки трагического конфликта. Казнив уникального, единственного в своём роде праведника, человечество совершило преступление, нарушило предвечный закон, и времена разорвались (как завеса в иерусалимском храме). Тем самым был приведён в действие неумолимый механизм трагедии, направленный на то, чтобы эту связь времён восстановить. И любые поступки и действия человечества обречены отныне распределяться по силовым линиям этой трагической коллизии.

Парадокс и своеобразие её заключаются в том, что одновременно с исходным преступлением родилось и его возможное разрешение – исповедуя учение казнённого, люди могут избыть свой грех, удовлетворить требования Закона и в некотором смысле действительно воскресить Иисуса Христа. Но для этого необходимо было бы прежде всего признать свою вину, покаяться в грехе распятия ещё до того, как признаваться в преданности Ему и её проповедовать. Этого требовала совесть – та самая которая является неизменным проводником извечного Закона.

Однако, этого не произошло. Единственный, кто самым радикальным способом рассчитался со своей виной был Иуда, но запомнили мы его в основном, только как предателя, и расплачивается он – только за предательство. Более того, формы, которые приобрело развивающееся христианское учение, оказались направленными как раз на усмирение этой совести. Как если бы некий инстинкт самосохранения старался всеми силами её заглушить. Самым очевидным проявлением таких усилий стало то обстоятельство, что главные участники события – те, кто вынес приговор и привёл его в исполнение, то есть религиозная и светская власть и толпа (человечество) – остались за рамками внимания, благодаря одному, двусмысленным образом прозвучавшему слову «жертва».

Из двух значений этого слова – пострадавший, мученик и нечто ценное, отданное взамен получаемого блага, церковь, едва отметив первое, избрала в качестве основного символа вероучения – второе. И такой выбор породил множество осложнений и в самой церкви, и в истории человечества, причастившегося христианству. Именно эту, значительную часть человечества я имею ввиду, называя участников трагического действия. В трагедии Гамлета тоже были, например, могильщики или норвежец Фортинбрас, то есть те, кто остался в стороне от событий, и участия которых трагедия не требует.

Есть тут и ещё один странный оттенок, легко ускользающий от внимания. При самом общем взгляде на эту историю – то есть, если в двух словах изложить её сюжет в рамках

христианской доктрины – в этом частном случае жертвоприношения нечто важное заведомо изъято из привычной картины. Поступок жертвования воспринимается как любое другое обычное явление, как что-то само собой разумеющееся. Будто бы в мироздание заложен некий механизм, выполняющий это желание автоматически. И если мне пришло в голову по какой-то причине сделать себя жертвой, не возникает никаких сомнений, что найдётся тот, кто эту жертву примет. Таким образом личный аспект другого участника действия из события изымается. Неважно – кто и неважно – почему, по какому праву и из каких соображений это делает. Достаточным основанием является одно моё желание.

Согласитесь, что такое убеждение значительно суживает горизонт мироздания.

Конечно мы вольны его суживать как нам вздумается, но то, что мы оставляем за его пределами от этого не исчезает, и угасить совесть будет совсем не просто. Она продолжает действовать, даже не будучи осознанной. Понадобилась непрерывная работа, заключавшаяся в церковных спорах о смысле исходного события, чтобы сформировалась такая картина, которая позволила бы убрать из основной доктрины идею всеобщей вины. Создавались дополнительные аргументы в виде новых догматов о волеизъявлении Отца, непорочном зачатии, двойном естестве Христа, троице, воскресении, втором пришествии и грядущем всеобщем судилище. И конечно же вновь и вновь подчёркивалось абсолютное значение того райского, первородного греха. Но поскольку всё это произвольные, самостоятельные идеи – сами по себе, возможно, обладающие символическим значением – соединить их в стройную концепцию не получается. Споры о них неизбежно будут продолжаться, ослабляя и часто подменяя собой саму Евангельскую истину, пока мы не вернёмся к началу и не изживём вину креста.

Возможно, и внутри- и межконфессиональные споры, да и само разделение на конфессии – тоже свидетельство беспокойной совести. Истина Евангелия проста, но следование ей требует усилий, которые человечество – и церковь в том числе – по-видимому не склонно предпринять. Джеймс Болдуин высказал это по-своему: «Я верю в будущее совершенство человека, в Новый Иерусалим. Это всё возможно. Но – цена слишком велика. Пока мы не соглашаемся её платить».

Если смотреть на случившееся в этой перспективе – а она, как мне кажется, не менее важна, чем триумфальный марш христианства – мы обнаружим себя в самом центре мировой трагической коллизии, которая медленно движется к своему неизбежному разрешению. Может быть вернее было бы сказать, что она уже успела породить множество других коллизий в самых разных областях нашей жизни. И по сей день мы не только не пытаемся эту коллизию избыть, но, по большей части, не отдаём себе отчёта в её присутствии.

Это обычное состояние человека, попавшего в силовое поле трагедии – либо неведение, либо пренебрежительное и самонадеянное противодействие высшему Закону. Однако, как мы уже наблюдали, возможно и иное осознание и поведение.

На нас нет непосредственной вины, как не было её и на Гамлете. Но мы так же неразрывно связаны с человечеством и своей землёй, как он был связан с семьёй и Данией, и от роли своей в этой коллизии нам не уклониться. И так же настойчиво, как датский двор от Гамлета, жизнь продолжает требовать от нас поступков. Мы, в соответствии с законами трагедии, попали в переплёт, и, хотим мы этого или не хотим, от нашего поведения зависит – как, какими и чьими жертвами она себя разрешит.

Пока мы остаёмся глухи к рокоту её волн, нас могут посещать труднообъяснимые напасти вроде фантастической женщины-птицы-льва Сфинкса или мировых войн, или глобального потепления. Но пытаясь от этих несчастий избавиться, нам, подобно Гамлету, надлежит быть предельно осторожными, чтобы не усугубить ситуацию и не вовлечь в трагический конфликт всё новые и новые поколения.

Тут необходимо вспомнить о готовности в её полном, шекспировском смысле, а она обретается, если не прозрением, то умением видеть и думать. Только этого и требует от нас Бытие. Оно вовсе не желает нашей гибели и к ней не стремится. Но и разорванным оставаться не может.

Большинство из нас считает, что всё идёт своим чередом, мы усматриваем в разном развитии событий – то относительно благополучном, то пугающем – поступательное развитие, прогресс, а получается, что участвуем в представлении, о котором не имеем ни малейшего представления, если позволен будет мне ещё один печальный каламбур.

Вот и по мнению Пастернака, Гамлет в похожей ситуации догадался:

Я люблю твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма...

Мы можем молиться о том, чтобы нас из неё «уволители», но в результате будет «Так, как Ты хочешь, а не как я хочу».

И нам надлежит вести себя в качестве сознательного действующего лица в этом трагическом сюжете, буквальный исход которого нам неизвестен. В конце концов связь времен восстановится, и всё пойдёт на лад, но вполне вероятно, что по ходу дела кому-то из нас предстоит расстаться с жизнью преждевременно, и такое уже происходит. Но что же мы изумляемся, не находя оправдания и даже объяснения непонятной ожесточённости человеческой души, если сами забыли тот момент, когда она впервые проявилась во всей своей отчётливости. По крайней мере, у нас есть возможность удержаться и не открывать дверей новым трагическим коллизиям.

Можно взглянуть на ситуацию и ещё в одной перспективе.

Одна из ошибок нашего суждения связана с неверным ощущением времени. Мы забываем о том, как медленно оно движется в природе, хотя иногда – очень редко – замечаем перемены, которыми оно отмечено: времена года, рост деревьев, взросление и старение человека.

Общественные перемены – в политике, технологии, всеобщих поветриях совершаются быстрее, и их темп заметно ускоряется.

События в нашей личной жизни развиваются ещё стремительнее, и поскольку они касаются нас непосредственнее всего, именно их ритмом мы склонны мерить и оценивать всё происходящее. Мы изнываем от нетерпения. И вместе с тем, нас не покидает ощущение, что мы всё время опаздываем. Нам кажется, что справедливость осуществляется слишком медленно – если она вообще ещё действует. А когда она всё же приходит, способ её осуществления может быть до такой степени непонятен, что мы уже не связываем его с вызвавшей такие последствия причиной. Обретение нашего личного благосостояния что-то слишком затягивается, а то и вовсе грозит не прийти. И мы начинаем искать способы его обрести в обход общепринятых правил, а то и закона. Люди вокруг обычно не считаются с нашими потребностями, и мы не очень высоко оцениваем их достоинства. Короче говоря, мир

устроен неправильно, и самые активные из нас считают необходимым его исправить, пока не наступила катастрофа.

Иными словами, мы принимаем поспешные меры для устранения катастрофы, забывая, что катастрофа как раз и вызвана принятием мер. Мы пропускаем – или используем не по назначению – те самые несколько минут в день, когда всё и может решиться, потому что решается всё гораздо раньше принятия мер, в мысли. А мысль начинается, когда человек включает в своё сознание совесть. Когда он «стирает с таблицы памяти своей все суетные записи».

Так или иначе, мы возвращаемся в пределы всё той же необходимости мыслить.

Поэтому мне показались столь драгоценными те восемь минут, на которых настаивал Декарт.